

Старецъ О. Наумъ

Соловецкій — Подвижникъ Карель.

(Память 10 Юня).

Подъ сѣнью Великой Русской Державы, среди могучаго Русскаго племени, какъ меньшіе братья и сестры, расселились издавна разныя племена и народцы. Одни изъ нихъ жили и живутъ, со всѣхъ сторонъ окруженные Русскими, тихо и мирно. Иные же осѣли въ древніе времена на границѣ русскаго царства и его сосѣдей съ Запада. Насколько мирна и спокойна была всегда жизнь первыхъ, насколько тяжела и тревожна доля послѣднихъ. Сосѣди, воюя съ Россіей, всегда старались оторвать эти племена и обратить въ свою вѣру и народность и порою не безъ успѣха.

Тяжела была прошлая жизнь карель, которые издавна осѣли сначала на берегахъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря, а потомъ придвинулись ближе къ берегамъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ и Балтійскаго моря. Это племя издавна подчинилось Русскому Царству. Постепенно и мирно сжились они съ русскими, когда тѣ, начиная съ XI вѣка, придвинулись къ мѣстамъ поселенія карель. Православные не гнушались вступать въ браки съ карелами, завели съ ними торговыя отношенія и мало по малу просвѣтили ихъ и свѣтомъ вѣры Христовой. Въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія карель свѣтомъ истинной вѣры, главнымъ образомъ, потрудились иноки Валаамскаго, Соловецкаго, Коневскаго, Свирскаго и другихъ сѣверныхъ монастырей. Сдѣлавшись православными, карелы усвоили и весь бытъ русскихъ людей. вмѣстѣ вели торговыя дѣла, вмѣстѣ и воевали противъ нѣмцевъ и шведовъ, рѣдко когда ссорясь между собою. Но тяжело было прошлое нашего отечества. Тѣснимое врагами отовсюду, оно, какъ и всѣ другіе царства, не разъ въ войнахъ терпѣло уроны и, во время однихъ неудачныхъ войнъ теряя то тѣ то иныя области, въ слѣдующія, происходившія вскорѣ же войны, возвращало потери назадъ, и такъ случалось иногда по нѣсколько разъ въ одно два столѣтія. Карелы жили на границѣ Россіи и

Швеціи. Шведы всегда старались оторвать сѣверъ Россіи и вели много войнъ съ нами, пока Великій Петръ не нанесъ имъ навѣки непоправимаго пораженія. Въ такія войны въ пору Смутнаго времени особенно, и ранѣе и попозже, часть областей, гдѣ жили карелы и русскіе отошла къ Швеціи. Часть карель осталась подъ русскимъ владычествомъ, а часть называемая Приладожскою Кареліей, оказалась подъ властью Шведовъ. При Государѣ Петрѣ Великомъ вся Карелія была отвоевана обратно, а при Государѣ Александрѣ I, когда Выборгская губернія, по проискамъ нехорошихъ сановниковъ, была, къ несчастію, присоединена къ Финляндіи, отошла туда и отвоеванная часть Приладожская Карелія. Съ той поры и распалась Карелія на двѣ части: чисто русскую — въ предѣлахъ Архангельской и Олонецкой губерній, и финляндскую, гдѣ по примѣру прежнихъ вѣковъ и доннынъ стараются изгнать изъ жизни карель все, что только напоминаетъ русское имя и русскую вѣру. Судьба карельскаго племени далѣко не одинакова въ той и другой половинѣ его поселеній.

Тяжела, страдальческая, была доля карельскаго племени, будемъ говорить приблизительно, въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи. Издавна финны онѣмечились и стали сначала католиками, а потомъ протестантами. Они всѣми мѣрами, какъ только подъ ихъ владычество попадали карелы, стали стараться изгнать изъ жизни карель всѣ слѣды ихъ обрусенія. Вѣра православная подверглась гоненію и невозможному стѣсненію. Такія старанія во всей полнотѣ проявились послѣ Столбоваго договора, 1617 г., когда Карелія стала принадлежать къ Швеціи и финнамъ въ Финляндіи, и съ суровою жестокостію продолжалось такое гоненіе вплоть до времени Ништадтскаго мира, когда карелы были отвоеваны Россіей обратно себѣ. Мѣры были приняты двоякаго рода. Съ одной стороны вытѣснялись русскіе, съ другой — вводилось лютеранство. Карелія была освобождена отъ рекрутской повинности, а сосѣдніе уѣзды, напротивъ, были обязаны выставять усиленное число рекрутовъ. Естественно, что сюда стремились многіе поселиться. Бѣжавшимъ за границу преступникамъ шведскимъ было разрѣшено безнаказанно возвращаться, если станутъ селиться въ Кареліи. Дворяне и мѣщане могли выселяться послѣ Столбоваго мира въ теченіе 14 дней, а духовенство и крестьяне — карелы, этого дозволенія не получили. Но еще болѣе наглы и жестоки были мѣры противъ православія. Давались награды православнымъ, которые выучатъ лютеранскій катехизисъ, который и былъ переведенъ на русскій языкъ. Пасторамъ, говорившимъ проповѣди порусски, также давались награды. Принимавшіе лютеранство православные освобождались отъ платежей повинностей. А иногда говорившіе пофински прямо отчислялись

Старець Отець Наумъ Соловецкій, Подвижникъ — Карель.

къ лютеранскимъ приходамъ. Православное духовенство было подчинено выборгскому лютеранскому епископу. Въ приходы наряду съ священниками назначались лютеранскіе пасторы и всѣ, не смотря на православіе, прихожане должны были чрезъ воскресеніе слушать проповѣди пасторовъ, платить не только на содержаніе православнаго духовенства, но и пасторовъ, а когда въ приходѣ не было священника, его требы исполнялъ пасторъ. Дальше такого жестокаго насилія надъ совѣстью православнаго человѣка идти было уже некуда... На такія жестокости православные карелы не оставались равнодушными. Не имѣя силъ противиться лютеранскимъ насильникамъ, — они толпами бѣжали въ Россію. Въ разное время бѣжало болѣе десяти тысячъ карель.. Вотъ, чѣмъ и объясняется, что теперь часть карель живетъ еще въ предѣлахъ губерній Новгородской, Тверской, С.-Петербургской, а по малымъ частямъ и въ другихъ мѣстахъ нашей Родины: это потомки вѣрныхъ сыновъ правосл. церкви—страдальцевъ за святое дѣло отъ финскаго насилія! Много можно было бы привести и другихъ примѣровъ тому, какъ тѣснили православныхъ карель ихъ сродники по племенному средству финны и шведы, но и сказаннаго довольно для перваго знакомства... Желаящіе могутъ болѣе подробно ознакомиться съ прошлыми судьбами Карельскаго племени по капитальному труду В. П. Крохина: „Исторія Карель“ СПб (Тип. Надежда —) 1808 г. Изъ этой же книжки и изъ дополненія къ ней, — „О Сердобольской Учительской Семинаріи“... 1910 г., видимъ, что такое гоненіе, только въ болѣе замаскированномъ видѣ продолжилось и послѣ присоединенія къ Финляндіи Карелии въ началѣ прошлаго вѣка.. Послѣдствія дальнѣйшаго тѣненія таковы, что двадцать тысячъ православныхъ карель уже совсѣмъ офиннились и столько же подвержено упорному натиску панфинской пропаганды. Финны мечтаютъ о великой Финляндіи, какъ самостоятельномъ государствѣ съ включеніемъ всѣхъ сѣверныхъ губерній Россіи.. Вотъ и стараются прежде всего офиннить карель. А такъ какъ сдѣлать это можно, только порвавъ ихъ связь съ православіемъ и русскимъ народомъ, то къ этому и направлены всѣ рѣшительныя ихъ старанія тайныя и явныя!..

Далеко не такова доля карель, которые навсегда жили и живутъ среди русскаго народа съ всѣхъ сторонъ. Чѣмъ богатъ русскій человѣкъ, тѣмъ и радъ. Что самъ имѣлъ и имѣетъ, тѣмъ онъ дѣлился и дѣлится и съ православными карелами, не различая ни племени ни роду, охотно вступая съ ними и въ родство чрезъ браки. Русскія школы одинаково охотно открывали и открываютъ и кареламъ свои двери.. Въ храмахъ Божьихъ они всегда-какъ и другіе чада церкви.. Обителѣ также давали и даютъ имъ свой пріютъ.. Карелы во многомъ слились съ русскими — замѣтно обрусѣли. И

въ этомъ ихъ великое и неоцѣненное счастье. Счастье это велико, но незамѣтно, какъ незамѣтно сразу бываетъ все великое.. Вотъ въ чемъ состоитъ это счастье племени. Живя среди русскихъ, карелы приняли истинную, неповрежденную, вѣру Христову. Не отпадшее отъ единенія съ православнымъ міромъ, католичество, сдѣлавшее вмѣсто Христа Спасителя невидимой Главы Церкви Своей видимую главу-папу, человѣка подобостраснаго намъ, лишившее людей Св. Причастія подъ видомъ хлѣба и вина Тѣла и Крови Христовыхъ вмѣстѣ, а дающее только одно Тѣло, введшее безбрачіе духовенства и тѣмъ распространившее язву разврата, и выдумавшее рядъ новыхъ догматовъ, съ его иезуитскимъ орденомъ, оправдывающимъ всякія преступныя средства до убійства включительно ради достиженія благихъ якобы цѣлей—не оно стало вѣрою карель. И не протестанство, отдѣдившееся отъ католичества въ XVI вѣкѣ и само въ себѣ носящее доказательство своей неистинности. Протестанство отрицаетъ истину внѣ себя въ католической и православной церкви, а само появилось только 300 лѣтъ тому назадъ, и выходитъ: до XVI вѣка не было истинной церкви — значитъ — слова Христовы не вѣрны, что врата ада не одолѣютъ Его церкви, не исполнились, если было время, когда всѣ христіане уклонились отъ чистоты Евангельскаго ученія, А кто можетъ принять эту не сообразную мысль, вѣрящій, что Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій и Слово Его непреложно?... Карелы православны—это значитъ—они принадлежатъ къ той истинной церкви Христовой, которая отъ апостоловъ преемственно хранить все Христово ученіе.. Карелы живутъ подъ властью Самодержавнаго Русскаго Государя, для котораго всѣ дѣти и пользуются одинаковыми правами, не терпя ни насилій и никакихъ ограниченій. Все общее: ни податей особыхъ на народъ сей не наложено, стѣсненій никакихъ, языкъ не гонится. А безопасность, возможность жить и трудиться, гдѣ угодно въ такомъ громадномъ царствѣ—полная. Счастье карель, что они живутъ среди Русской Народности, ибо русскіе—народъ добрый и простой, никого не обижаетъ и ничего себѣ не требуетъ отъ меньшей братіи—племень, среди него живущихъ. Умреть ли православный карель, его имя часто-часто въ храмѣ вспоминается среди русскихъ именъ, какъ одно изъ родныхъ. И въ то время, когда финны только и знаютъ, что всѣхъ карель стараются превратить въ финновъ и носятся съ своими писателями и поэтами, какъ будто бы изъ карель не можетъ и человѣка путнаго выйти, если онъ не офиннится, въ Россіи не мало людей хорошихъ не только вышло изъ карель на разныхъ поприщахъ жизни, но и память о нѣкоторыхъ изъ нихъ хранится, именно какъ о карелахъ. Правда, племенной кичливости у русскихъ нѣтъ, нѣтъ поэтому и старанія запомнить, кто изъ какаго племени

происходилъ, почему и не отмѣчается это особенно, какъ незначашее, ибо о Христѣ Иисусѣ нѣсть еллинъ, ни іудей, ни варваръ и скифъ.. Но, если просмотрѣть страницы прошлой русской жизни, мы найдемъ и карель—дѣятелей. Объ одномъ такомъ замѣчательнѣйшемъ Карель мы и скажемъ здѣсь поподробнѣе. Это тѣмъ болѣе необходимо отмѣтить, что этотъ карель былъ православный подвижникъ, мужъ святой жизни, память котораго и читается какъ русскими, такъ равно и карелами, какъ память мужа святаго. Этотъ Подвижникъ-Карель-Старецъ Наумъ Соловецкій, скончавшійся 10 Іюня 1853 г. Онъ въ теченіе всей св. своей жизни былъ по характеру настоящій карель, тихій, труженникъ, молчаливый, терпѣливый къ всѣмъ невздамъ угрюмой сѣверной природы, опытный въ ловлѣ рыбы и постоянный работникъ.. Всѣ знали, что онъ карель и уважали и чтили этого замѣчательнаго человѣка, который до конца дней любилъ своихъ соплеменниковъ, какъ и русскихъ и горѣлъ желаніемъ ихъ духовнаго просвѣтленія.

Старецъ О. Наумъ былъ родомъ карель. Его родиной было с. Каменное, около Каменнаго озера, въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ 300 верстахъ отъ Соловецкаго монастыря. Родители его были простые и бѣдные поселяне-карелы, Пахомій и Мавра. Они скончались, когда Наумъ былъ еще совсѣмъ малолѣтнимъ. Круглый сирота онъ съ первыхъ дней сознательной жизни извѣдалъ и бѣдность и горе, трудъ и зависимость отъ чужихъ людей. Одинъ богатый карель, по фамиліи Нѣмчинкинъ, содержалъ на откупѣ у Соловецкаго монастыря тоню рыбную и звѣринную у Реболдской пристани, въ 15 верстахъ отъ обители, куда и пріѣзжалъ ежегодно на лѣтніе мѣсяцы. Нѣмчинкинъ былъ человѣкъ добрый. Часто бывая въ Соловкахъ и слушая тамъ немало добраго, онъ сдѣлался сострадательнымъ и пріютилъ къ себѣ Наума, котораго въ 1791 г. и взялъ въ первый разъ на ловлю, въ Соловки. Тогда Науму было 14 лѣтъ. Цѣлое лѣто Наумъ работалъ съ Нѣмчинкинымъ, а когда настало время ѣхать обратно, онъ выпросился прожить зиму въ монастырѣ..

Съ этого времени и начинается монастырская жизнь о. Наума. Еще въ пору ранняго дѣтства, какъ онъ самъ говаривалъ впослѣдствіи, ему нерѣдко „являлись въ снѣ добрые старцы въ монашескомъ одѣяніи, которые и звали меня куда то съ собою. Я не видалъ еще въ то время иноковъ, но, побывъ въ монастырѣ, узналъ къ какому чину они принадлежали и куда меня приглашали эти таинственные посѣтители“. Такъ Господь рано, призывая къ подвигу, подготавливалъ душу Своего избранника къ иноческой жизни въ Соловецкой обители, которая и приняла потомъ его труженническіе останки.

Два есть пути, которыми можетъ идти въ жизни каждый человѣкъ и получать вѣчное спасеніе. Одинъ путь—обычный путь семей-

ной жизни. Другой — путь особенных подвигов — путь иноческій. „Могій вмѣстити да вмѣститъ“ каждый, тотъ путь, къ которому чувствуетъ призваніе и расположеніе. Естественность пути жизни и семейной понятна каждому. Не всё ясно представляютъ смыслъ жизни иноческой, а протестанты ее и отвергають. Поэтому кратко скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Есть люди отъ природы не склонные къ семейной жизни: „суть скопцы царствія ради небеснаго“. Есть люди, которые всею душою пламенѣють любовію къ Богу и своимъ ближнимъ и всецѣло отдаются на служеніе имъ, по заповѣди св. Ап. Павла: „всякъ подвизайся, отъ всѣхъ да воздержится“ (1 Кор. 9, 25.). Есть люди, которые въ жизни потерпѣвъ крушеніе семейнаго счастья, уже остатокъ дней отдають на всецѣлое служеніе Богу. Для всѣхъ такихъ и существуетъ другой путь жизни монашескій. Иноки при вступленіи въ этотъ родъ жизни дають три обѣта: послушанія, нестяжанія и дѣвства. Объ обѣтѣ дѣвства мы уже сказали. Обѣты послушанія и нестяжанія также имѣють евангельскую основу. Господь сказалъ богатому юношѣ: „Аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имѣніе и даждь нищимъ и имѣти имаши сокровище на небеси“. (Мѣ. 19, 21). И въ другомъ мѣстѣ (Мѣ. 8, 34): „Иже аще хочеть по Мнѣ ийти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядеть“. Отверженіе же себя безъ покоренія своей воли опытнымъ въ духовной жизни старцамъ — немислимо. А чтобы легче было спастись на такомъ пути, изъ первыхъ вѣковъ и вошло въ обычай ревнителямъ такой жизни собираться въ особыя общины съ строгимъ уставомъ жизни, съ общею работою, столомъ и т. д. Эти общины и стали называться монастырями. Слово монастырь греческое и значитъ собственно жилище для одиночествующихъ. А обителями монастыри называются, какъ жилища людей, у которыхъ въ имя Божіе все общее, а своего нѣтъ ничего. Правда, и въ монастыряхъ не мало бываетъ людей слабыхъ, немощныхъ, порою порочныхъ. Но это неизбѣжно: гдѣ люди, тамъ и немощи. И монастырь вѣдь есть лечебница, гдѣ человѣкъ *постепенно* совершенствуется нравственно... Соловецкій монастырь и есть одинъ изъ древнѣйшихъ на сѣверѣ Россіи. Онъ издавна служилъ разсадникомъ просвѣщенія среди русскихъ и карелъ, а въ смутное время былъ твердымъ оплотомъ противъ шведскихъ нападений. Въ этой то великой обители, которая издревле давала многимъ кареламъ и пріютъ, и заработокъ, пищу духовную и хлѣбъ въ годы голодные, и нашель исполненіе стоимъ стремленіямъ къ иноческой жизни отецъ Наумъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ о. Наумъ зимами работалъ на обитель и считался въ числѣ трудниковъ-добровольцевъ, а лѣтами трудится съ Нѣмчинкинымъ на его промыслѣ. Нѣмчинкинъ за него

платить и подати. Въ монастыряхъ, особенно такихъ строгихъ, какъ Валаамъ и Соловки, не скоро дается новопоступившему постригъ. Постригомъ называется тотъ обрядъ, когда послѣ исповѣди въ церкви инока спрашиваютъ о твердости его намѣренія и рѣшимости посвятить жизнь на особенно полное служеніе Богу и по полученіи отвѣта одѣваютъ въ иноческія одежды. Постриговъ три: малый, великій и схима. Малый состоитъ въ одѣяніи лишь въ одежды инока. Великій—когда инокъ даетъ обѣты на всю жизнь и его одѣваютъ уже въ все, а не нѣкоторыя только, какъ при маломъ постригѣ, одежды, мѣняется имя на другое; послѣ этого пострига человекъ уже навсегда становится отдѣленнымъ, отрехшимся отъ міра. Схима—это новое повтореніе обѣтовъ, сопровождающееся возложеніемъ еще новыхъ одеждъ. Схима принимается предъ смертью и сопровождается полнѣйшимъ уединеніемъ, молчаніемъ, постомъ особенно суровымъ. Схимникъ—это живой мертвецъ для всего страстнаго и грѣховнаго..

И о. Наумъ много лѣтъ былъ простымъ послушникомъ. Потомъ его сдѣлали рядовымъ полнымъ инокомъ и хотѣли постричь въ великій постригъ или мантию, но онъ по особенному смиренію уклонился отъ этого. Но его подвиги были такъ велики, что все его чтили, какъ самага истиннаго инока и оказывали ему должное уваженіе, котораго онъ всячески уклонялся. Сначала онъ былъ послушникомъ и жилъ въ монастырѣ, потомъ трудился въ Анзерахъ (Соловецкій скитъ) и въ послѣднее время жизни, въ самой обители. Первые годы послушничества, послѣ того какъ Нѣмчинкинъ отпустилъ его совсѣмъ въ обитель, а та приняла его, о. Наумъ лѣтними мѣсяцами трудился на рыбной и звѣринной ловлѣ. При этомъ уже и тогда замѣтны были черты высоко добродѣтельной его души. Онъ трудился, не зная усталы, готовый каждому помочь и замѣнить гдѣ нужно. Молчаливый, онъ былъ сострадателенъ и доволенъ немногимъ. Эта умѣренность и милосердіе проявлялись даже и въ отношеніи улова. Когда ему попадалось разомъ много тюленей, нерпъ, и др. звѣрей, онъ, отдѣляя нужное для монастыря количество, излишне попавшихъ звѣрей отпускалъ на волю. Въ 1801 г. онъ цѣлое лѣто прожилъ на Сѣкирной горѣ, сторожа: не появятся ли англійскія суда, и дождь и непогоду переносилъ такъ, что отъ него никто не услышалъ и одного слова недовольства своею долей. Прибылъ о. Наумъ въ Соловки неграмотнымъ. Онъ прекрасно понималъ нужду грамоты. Онъ зналъ и видѣлъ, что русскій языкъ — великая сокровищница знанія. За цѣлыя девять вѣковъ христіанства сколько твореній св. отцовъ и учителей церкви, не говоря уже о всемъ Словѣ Божіемъ, переведено на этотъ могучій языкъ, предъ которымъ карельскій, какъ маленькій берестянный туесокъ (кружка, ведерко)

предъ большую хрустальною или мраморною чашей. Сколько житій святыхъ, общихъ всѣмъ христіанамъ первыхъ восьми вѣковъ бытія церкви Христовой на землѣ, и русскихъ, сколько писаній мудрыхъ русскихъ святителей и подвижниковъ! Сколько знаній для блага временной жизни! Сколько разныхъ полезныхъ и назидательныхъ книгъ есть на немъ! И какой могучій многомилліонный народъ, народъ одинъ изъ самыхъ великихъ Европейскихъ народовъ нынѣ говоритъ на немъ; народъ, въ лицѣ своихъ святыхъ, явившій міру великіе примѣры святой по евангелію жизни, народъ, въ лицѣ Царей Самодержавныхъ, показавшій истинныхъ Божьихъ Помазанниковъ-народолюбцевъ, въ лицѣ полководцевъ великихъ мужей, какъ Суворовъ и др., въ множествѣ художниковъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ и т. п. Изучить этотъ то великій языкъ и постарался о. Наумъ, чтобы черпать изъ него обильно все нужное ему для уразумѣнія истиннаго евангельскаго неповрежденнаго Христова ученія. И какихъ трудовъ стоило ему это.. Самыя малыя часы отдыха, послѣ тяжелыхъ трудовъ, посвящалъ онъ на изученіе русскаго языка. Господь послалъ ему добраго друга — инока Доснѣея, который, самъ удѣляя тѣ же минуты отдыха, и училъ его чтенію. И какъ велика была радость иноковъ — братьевъ во Христѣ, когда ученикъ сталъ свободно читать и пѣть дивныя псалмы Давида и читая плакать надъ священными страницами Евангелія..

Въ теченіе всей многолѣтней жизни на Соловкахъ о. Наумъ, постепенно нравственно совершенствуясь и укрѣпляясь при помощи благодати Божіей, явилъ высокій примѣръ истиннаго инока. Онъ въ дивной полнотѣ усвоилъ и осуществлялъ иноческіе обѣты и по истинѣ былъ „ангелъ земной, челоуѣкъ небесный“. Нестыжательный молитвенникъ, онъ суровою борьбою покорилъ всѣ плотскія страсти, явилъ примѣръ безропотнаго послушанія, чистаго сердца, въ трудахъ былъ неутомимъ, въ братской жизни миротворецъ и кротокъ. Чистый сердцемъ онъ пламенно любилъ своихъ сородичей и служилъ имъ, чѣмъ могъ. Сострадательный ко всѣмъ богомольцамъ, онъ заботился о нуждахъ обители, былъ милосердъ и къ скотамъ. А къ концу жизни, онъ, получивъ благодатный даръ прозрѣнія въ будущее, даръ мудраго совѣта вопрошающимъ, даръ дѣйственной молитвы, этими Божьими дарами служилъ благу ближнихъ, окутываясь глубокимъ смиреніемъ...

Другъ юности его, монахъ Доснѣей, потомъ былъ настоятелемъ Новгородскаго Кириллова монастыря. Отсюда въ 1826 г. онъ былъ перемѣщенъ настоятелемъ въ Соловки, гдѣ и встрѣтился съ о. Наумомъ, который къ тому времени былъ уже изможденнымъ старцемъ. Настоятель — другъ взялъ его съ Анзеръ въ обитель и далъ ему послушаніе: читать синодикъ въ церкви преподобныхъ Зосимы и

Савватія и возжигать лампады въ часовнѣ преп. Германа и Ирнарха. 27 лѣтъ, какъ свѣча, тихо стоялъ у гробницы Преподобныхъ Первоначальниковъ обители старецъ Наумъ, весь погружаясь въ молитву. Церковь Преподобныхъ не отопляется. О. Наумъ ни въ чемъ не измѣнилъ образа жизни и стоялъ тутъ въ одномъ ветхомъ подрясникѣ и ряскѣ. Когда ему нѣкоторые съ чувствомъ состраданія замѣчали: „Батюшка, вѣдь ты застылъ?“ Онъ кротко улыбаясь, отвѣчалъ: „Ничего, не задремлется.“ Онъ усердно исполнялъ слово Господа: „Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ. 6: 33). И много было случаевъ, когда Господь за это усердіе дивно его вознаграждалъ. Вотъ былъ какой случай. О. Науму пришлось выѣхать въ Кемь для исхлопотанія увольнительнаго свидѣтельства на право жить всегда въ монастырѣ. Привезли его въ г. Кемь. Онъ же, вмѣсто того, чтобы идти и скорѣе хлопотать, прежде всего пошелъ въ храмъ на молитву. Дѣло было великимъ постомъ. Была Страстная. Онъ и сталъ такъ каждый день, чуть звонъ колокола раздастся, спѣшить въ храмъ. А когда прошло Свѣтлое Христово Воскресеніе, сталъ трудиться для пропитанія и молиться. Денегъ на выкупъ свидѣтельства у него не было. И что же! Нѣсколько богатыхъ жителей, узнавъ о его смиреніи, терпѣннн и трудолюбнн, достали ему выкупное свидѣтельство и онъ радостно уже навсегда свободный отъ всякихъ обязательствъ къ обществу водворился въ обители. По прежнему ходилъ онъ неопустительно всю остальную жизнь въ храмъ, и никто не запомнилъ, чтобы онъ пропустилъ хотя одну службу. Бывало, что изъ за послушаній не поспѣвалъ къ началу богослуженія, — утрени; и тогда говаривалъ: „заспался я, лѣнивый и нерадивый, сегодня и не слышалъ благовѣста.“ Хотя самъ, вѣставши ранѣе другихъ, будилъ сосѣдей къ молитвѣ. Бывало, что опаздывалъ съ огородовъ и къ вечернѣ. Когда кто либо изъ неопытныхъ и сомнительныхъ говаривалъ ему: „что ты опоздалъ,“ старецъ, съ улыбкою, отвѣчалъ: „Ну, что же, что опоздалъ я и ты небольшую мзду получишь въ сравненіи съ мною, ибо нашъ Владыка и послѣднихъ награждаетъ наравнѣ съ первыми“.. Молитва его была пламенна и угодна Господу и многіе по его молитвамъ получали избавленіе отъ опасностей. Вотъ примѣръ тому. Соловецкій іеромонахъ Г., ѣздившій на богомолье въ другія мѣста, возвращался съ поморами на суднѣ. Много дней изъ за затишья путники стояли въ устьѣ Двины. Приближался праздникъ Преп. Савватія (27 Сентября). Іеромонахъ весьма печалился, что не придется быть въ этотъ день въ родной обители. За день до праздника, онъ, молясь просилъ Преподобныхъ устроить путь домой. Подумалъ онъ и объ о. Наумѣ. Мысленно обратившись къ нему, съ слезами, сказалъ: „Ты ежедневно находишься въ храмѣ

Преподобныхъ и ежедневно читаешь предъ ихъ святыми мощами канонъ. Умоли ихъ, чтобы услышали мое желаніе и удостоили меня торжестовать съ вами свѣтлый день ихъ праздника“. Прошла ночь. Утромъ, проснувшись, онъ слышитъ, что кормчій велитъ поднять паруса: насталь попутный вѣтеръ. Быстро пронеслось судно 300 верстъ и къ обѣднѣ путники были въ Соловкахъ. Иеромонахъ прямо съ судна поспѣшилъ въ храмъ и пришелъ къ литургіи. Тамъ онъ встрѣтилъ о. Наума, который и говоритъ ему: „вотъ, братъ, какъ разъ поспѣлъ къ обѣднѣ“. Да, отвѣчалъ тотъ, молитвами Преподобныхъ.. „А меня зачѣмъ поминалъ? Вспомни Архангелское устье: какъ ты молился.. Я, земля и пепель, какія у меня молитвы? Однакожь никому объ этомъ не говори, пока я не умру. А теперь иди и молись Богу и Его Угодникамъ“. Очистивъ духъ своей молитвою и постомъ, о. Наумъ удаивался видѣній и обладалъ даромъ знать не только будущее, но и сокровенное въ сердцахъ людскихъ. Однажды предъ утреней онъ шелъ съ фонаремъ къ часовнѣ преп. Германа и удостоился видѣть самаго угодника Христова: онъ въ мантии и клобукѣ шелъ изъ собора въ часовню. Потомъ о. Наумъ часто увѣщевалъ усердно чтить святыхъ и почитать ихъ раки.

Молитва церковная у него была лишь частью молитвеннаго подвига. Онъ постоянно пламенѣлъ молитвою. Какъ въ Анзерахъ, такъ и въ обители, Старець любилъ, когда было возможно безъ ущерба для послушаній (всѣ братскія работы называются послушаніями потому, что дѣлаются изъ послушанія охотно), уединяться для молитвы. По ночамъ, насколько могъ, онъ урывалъ время у сна на молитву. Никогда онъ не мылся въ банѣ, не пилъ ни вина, ни пива, ни чаю, не носилъ теплаго платья, не носилъ даже и сорочки, а прямо на тѣло одѣвалъ тонкій ветхій подрясникъ и ряску. Эта одежда была настолько ветха, заплатана, что нищій, если бы ее нашелъ на улицѣ, не поднялъ бы.. Зимой онъ часто купался въ морѣ или въ озерѣ и погружался въ снѣгъ. Молитвенное настроеніе и постоянное самоиспытаніе настолько окрилили его духъ и очистили сердце, что онъ постоянно почти проливалъ теплыя слезы умиленія, особенно въ храмѣ и въ время поученій. „О. Наумъ, что же это Ты плачешь, а я не могу?“ говорилъ ему одинъ молодой инокъ. „Погоди, отвѣчалъ подвижникъ, придетъ время, придетъ“... Разъ два молодыхъ послушника во время молебновъ скрылись за иконостасомъ въ церкви Преподобныхъ и тамъ разговаривали. О. Наумъ быстро вошелъ въ алтарь, помолился, нашелъ пустослововъ, выгналъ ихъ и сказалъ строго: „Что вы дѣлаете? Смотрите: какой чадъ идетъ отъ васъ. Вы закоптите весь иконостасъ. Вотъ ужъ васъ Преподобные!“

Будучи молитвенникомъ, онъ былъ пламеннымъ проповѣдникомъ иноческой жизни, что особенно проявлялось, когда онъ давалъ совѣты новопостриженнымъ. Старецъ высказывался такъ. При посвященіи иноческомъ, называемомъ постригомъ, постригаются крестообразно волосы въ знакъ полнѣйшаго отреченія отъ своей воли. Новопостриженнымъ о. Наумъ совѣтовалъ съ постриженіемъ волосъ, отрѣшиться отъ всѣхъ страстей души и тѣла. Онъ совѣтовалъ „очи удалять отъ предметовъ суетныхъ и обольстительныхъ, уста хранить отъ празднословія и клеветы, желудокъ отъ невоздержанія, руки отъ худыхъ дѣлъ, а ноги чтобы знали только два пути: въ церковь и на послушанія, и особенно оберегать умъ и сердце отъ грѣховныхъ помысловъ, и такимъ путемъ всецѣло прославлять Бога въ душахъ и тѣлахъ нашихъ.“ Монашескую жизнь старецъ считалъ выше мірской и первую называлъ царствомъ, а послѣднюю рабствомъ. „Монахи имѣютъ два царства. Они царствуютъ здѣсь и будутъ царствовать по смерти,“ говаривалъ онъ, имѣя въ виду свободу иноковъ отъ мірской многопопечительности и отъ всякихъ соблазновъ въ тишинѣ обители. Испытавъ въ жизни много скорбей, онъ особенно тепло утѣшалъ скорбящихъ. „Не скорби, братъ, говаривалъ онъ, бѣдами и искушеніями мы идемъ въ царство небесное“ Скорби онъ уподоблялъ бурѣ, которая временно шумитъ, но скоро смѣняется тишиною и спокойствіемъ. Какъ на ловлѣ, такъ и въ просфорнѣ и за псалтирю въ Анзерскомъ скитѣ, такъ и въ обители, о. Наумъ по ночамъ предъ ликомъ Пречистой возносилъ свои молитвы, а въ минуты свободныя отъ моленій и трудовъ любилъ читать, кромѣ псалтири еще „Лѣствицу“ Иоанна Лѣстничника. Для лѣтнихъ трудовъ о. Наумъ имѣлъ пять огородовъ, которые онъ самъ и устроилъ своими руками въ разныхъ мѣстахъ. Самый ближайшій былъ около его келліи, а остальные въ разстояніи версты отъ монастыря. Здѣсь онъ, какъ неутомимый муравей, трудился ежедневно: сѣялъ ячмень и овесъ, садилъ овощи. Отъ плодовъ же рукъ своихъ онъ мало самъ вкушалъ. Все онъ раздавалъ братіи и пріѣзжимъ землякамъ-кареламъ. Въ келліи его постоянными сожителами были котъ и пѣтухъ. Пѣтухъ замѣнялъ ему часы и былъ символомъ бодрствованія. Спалъ о. Наумъ очень мало. За часъ онъ вставалъ до прочихъ и будилъ братію въ колокольчикъ. Постелью ему служила узкая доска, а изголовьемъ полѣно. Въ келліи его не было ничего сѣснаго. Купать онъ ходилъ въ трапезу и былъ крайне воздерженъ. Когда на трапезѣ былъ даваемъ бѣлый хлѣбъ, о. Наумъ свою часть раздавалъ сосѣдямъ, чѣмъ тѣ очень дорожили. „Читай одну псалтирь“, говаривалъ старецъ и не одобрялъ, кто читаетъ много книгъ, но не пользуется уроками для исправленія своей жизни. Онъ не имѣлъ особаго дара слова и былъ мало разговорчивъ, но

его простыя рѣчи были очень дѣйственны: они были полны опытной силы и священной вѣры въ помощь Божью. „Келлія та же пустыня“, говаривалъ онъ, когда слушалъ сѣтованія о пустынѣ неопытныхъ ревнителей. Самъ онъ ни къ кому въ келліи не ходилъ и особеннаго пристрастія ни къ кому не имѣлъ: былъ со всеміи равенъ въ отношеніяхъ.

Суровою борьбою достигъ Старецъ плотскаго безстрастія и его наставленія по этому поводу братіи особенно поучительны и вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ и то, какъ боролся съ плотскими страстными влеченіями самъ подвижникъ. Въ назиданіе онъ рассказывалъ, какъ тяжело досталось ему это безстрастіе. „Разъ привели ко мнѣ женщину, желавшую поговорить со мною. Не долга была моя бесѣда съ посѣтительницею, но страстный помыслъ напалъ на меня и не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при томъ не день, не два, а цѣлыхъ три мѣсяца мучился я въ борьбѣ съ лютою страстью. Чего не дѣлалъ я. Не помогали и купанія снѣговья. Однажды, послѣ вечерни вышелъ я полежать на снѣгу. На бѣду заперли за мною ворота обители? Что дѣлать. Я побѣжалъ кругомъ ограды къ другимъ третьимъ воротамъ — вездѣ заперто. Побѣжалъ въ кожевню, но тамъ никто не живетъ. Я былъ въ одномъ подрясникѣ и холодъ знобилъ меня до костей. Едва остался я живъ и чуть живой добрался до келліи. Но страсть не утихала. Когда настала Филипповъ постъ, я пошелъ къ духовнику, съ слезами исповѣдалъ ему свое горе и принялъ наставленіе. Тогда только благодатью Божьей я обрѣлъ покой“. Зимой онъ занимался колотьемъ дровъ и дѣланіемъ поплавокъ для сѣтей, коими и была завалена его келлія.

Неустанный молитвенникъ, чистый помыслами, нестяжательный, о. Наумъ былъ образомъ послушанія въ все дни своей монастырской жизни. Когда о. Наумъ уже довольно долго прожилъ въ монастырѣ, разъ при провѣркѣ оказалось, что онъ не имѣетъ увольнительнаго свидѣтельства. Новый въ то время настоятель приказалъ отвезти его въ Кемь. Посадили о. Наума въ карбасъ и повезли. Онъ повиновался безпрекословно. Вдругъ поднялась буря, которая болѣе недѣли не давала плыть, прибивъ судно къ Заяцкому острову. Когда же вернулись назадъ, высадили о. Наума, вдругъ поднялся попутный вѣтеръ и поморы благополучно поплыли домой. Все усмотрѣли въ этомъ Божью волю и оставили на время его въ обители. Свидѣтельство было получено уже въ другой разъ, о чемъ было сказано выше. Разъ привезли въ монастырь два карбаса сельдей, которыя нужно было чистить. Всѣхъ собрали. О. Наумъ опоздалъ, за что и былъ выбранъ приставникомъ, который пригрозилъ ему изгнаніемъ изъ монастыря. Старецъ не возражалъ и принялся за работу и въ короткое время начистилъ рыбы болѣе

другихъ. Приставнику онъ лишь кротко замѣтилъ: „самъ раньше меня выйдешь“, что и сбылось: чрезъ годъ послѣдній навсегда оставилъ обитель. Находящимся на послушаніяхъ и не имѣвшимъ возможности всегда бывать у службъ онъ говорилъ: „Съ памятью о Богѣ усердное отправленіе всякаго труда равно церковной молитвѣ. То и другое равно благоугодно Богу и намъ полезно“. Наемныхъ людей, живщихъ въ монастырѣ, онъ увѣщевалъ: вставъ отъ сна, полагать съ молитвою какое либо число поклоновъ. Всѣмъ же спрашивавшимъ: какъ спастись, онъ говаривалъ „спрашивай у своей совѣсти, слушайся ея и она наставитъ тебя на путь спасенія“.

Къ начальству онъ былъ искренне почтителенъ и не терпѣлъ осужденій. Однажды у двухъ иноковъ въ келліяхъ было послѣ вечерни по собесѣднику и разговоры клонились къ осужденію настоятеля, будто слабо управляетъ монастыремъ и т. п. На другой день о. Наумъ встрѣтился съ обоими иноками и каждому далъ строгое наставленіе. Одного онъ спросилъ: „О чемъ у тебя вчера вечеромъ была бесѣда? Что архимандритъ у насъ слабъ? Управлять не умѣетъ? Мы съ тобою лучше управили бы монастыремъ! А знаешь, что нѣсть власть, аще не отъ Бога!“ Братъ, пораженный словами прозорливца, упалъ въ ноги и просилъ прощенія. „Богъ проститъ,“ отвѣчалъ онъ, и сталъ тоже говорить другому. Но тотъ былъ горячій и несдержанный и вмѣсто раскаянія, сталъ доказывать справедливость своихъ словъ. „Ну, когда такъ, то увидимъ, какъ новый настоятель сломитъ тебѣ рога“, прибавилъ старецъ и замолчалъ. Не прошло году, какъ этотъ своенравный инокъ за непослушаніе былъ изгнанъ изъ обители. Старецъ усердно молился о настоятеляхъ и ему была открыта ихъ дальнѣйшая судьба, въ чемъ можно убѣдиться изъ такихъ случаевъ. Въ августѣ 1852 г. Архимандритъ Димитрій отправлялся въ Архангельска. Ему старецъ, хотя тотъ на десять лѣтъ былъ его моложе, говаривалъ: „ты умрешь раньше меня“. Провозя настоятеля, старецъ былъ очень грустенъ и прикровенно предупреждалъ того о близкой смерти словами: „далекій тебѣ предстоитъ путь“. Когда же судно отплыло, онъ говорилъ инокамъ: „нужно бы взять своихъ досокъ, въ дорогѣ можетъ въ нихъ случиться нужда.“ Чрезъ двѣ недѣли архимандритъ Димитрій въ Архангельскѣ умеръ и былъ для погребенія привезенъ на Соловки. Послѣ него настоятелемъ былъ назначенъ Югскій настоятель о. Варфоломей, но онъ отказался. Такъ какъ за зимнимъ временемъ и отсутствіемъ сообщенія не знали, гдѣ настоятель и спрашивали о. Наума, онъ прикровенно говорилъ: „давно давно живетъ въ Архангельскѣ: высокій такой ростомъ“. Этими словами онъ указывалъ на новоназначеннаго настоятеля Архимандрита Александра изъ протоіереевъ архангельскихъ.

Сочувствуя настоятелямъ и нравственно ихъ поддерживая, о. Наумъ съ сердечностью относился къ всей братіи и всѣмъ старался принести посильную пользу, особенно страждущимъ. Монахъ сапожникъ очень заболѣлъ глазами. Обратился съ просьбою о молитвѣ къ о. Науму. Тотъ помазалъ ему глаза масломъ отъ иконы, и больной выздоровѣлъ и до смерти уже видѣлъ хорошо. Одного послушника корова избодала такъ, что его замертво вынесли изъ хлѣва. Израненнаго доставили въ монастырь. О. Наумъ въ это время говорилъ: „Какъ осторожно надо обходиться съ коровами! Онѣ по своему безсмыслию изувѣчатъ и того, кто ходитъ за ними“. Не успѣлъ преданный ему послушникъ повѣдать свое горе, какъ старецъ спрашиваетъ его: „Что, братъ, вѣруешь ли, что Богу все возможно и что Онъ можетъ исцѣлить тебя!“ Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Старецъ переспросилъ: „Твердо ли и всѣмъ ли сердцемъ вѣруешь, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго?“. По подтвержденіи тѣмъ вѣры, онъ взялъ ковшъ холодной воды, перекрестилъ, подаль и сказалъ: „Пей во Имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Тотъ выпилъ разъ и два, а на третій отказался за невозможностью. Старецъ вылилъ ему на голову воду. И тотчасъ же боли утихли и послушникъ пошелъ на работу, а чрезъ нѣсколько дней не было и слѣда ушибовъ.

Будучи такъ внимателенъ къ братіи, онъ не менѣе того участливъ былъ и къ богомольцамъ обители и всегда молился о нихъ, особенно въ время путевыхъ ихъ невзгодъ. Были такіе случаи. Однажды, въ 1847 г., весна была необычно холодна. Около Соловецкихъ острововъ прибило массу льда и къ началу Іюня еще не было въ обители богомольцевъ. 9 іюня, за молебномъ Преподобнымъ, арх. Димитрій плакалъ о богомольцахъ, представляя ихъ страданія въ морѣ. Замѣтивъ слезы настоятеля, о. Наумъ спросилъ: „о чемъ, братъ, плачешь?“ „Какъ не плакать, отвѣчалъ тотъ, видно за мои грѣхи Господь не даетъ тепла, и богомольцы страдаютъ въ морѣ. Истомятся, быть можетъ, воротятся домой, не побывавъ у Преподобныхъ.“ „Полно, братъ, малодушествовать. Вотъ что писано въ канонѣ Преподобнымъ — „утишите напасти и бѣдъ смущеніе.“ Видишь, имъ дана благодать помогать и спасать страждущихъ. Они и пекутся о своихъ поклонникахъ, которые съ вѣрою и любовію стремятся къ ихъ святымъ мощамъ. И вотъ увидишь, что завтра же здѣсь будутъ всѣ богомольцы“. Потомъ прибавилъ: „Каково то въ Анзерахъ? Какъ будто тѣсно? Гостинница не велика, а келлій мало! Пожалуй и хлѣба не хватитъ? Напрасно зимой не послали муки больше“. Вечеромъ того же дня, какъ происходилъ этотъ разговоръ, пришелъ смѣльчакъ изъ Анзеръ и сообщилъ, что до двухъ тысячъ богомольцевъ въ Анзерахъ. Тѣснота и хлѣба мало. Сейчасъ же отправили

запасовъ, а на другой день всѣ путники уже въ обитель прибыли благополучно. Одинъ изъ иноковъ рассказывалъ такъ: „въ бытность послушникомъ я похитилъ у одного богомольца немного чаю и остался внѣ всякаго подозрѣнія. Но оказалось, что кромѣ Бога есть и люди, знающіе о моемъ проступкѣ. Вскорѣ встрѣтился я съ о. Наумомъ, который, обращаясь къ мнѣ, съ веселымъ видомъ, замѣтилъ ласково: „А что, братъ, нынѣ попиваешь чаекъ, и теперь у тебя его вдоволь, да спокойно ли на душѣ?“. Сказавъ это онъ медленно отошелъ отъ него. Какой это скромный и мудрый урокъ — не трогать чужаго и не обижать богомольцевъ! Онъ былъ добрымъ и мудрымъ совѣтникомъ тѣмъ изъ прибывавшихъ на богомолье, кто искалъ его совѣта, хотя иногда, изъ смиренія, совѣты давалъ прикровенно. Изъ Архангельска пріѣхала разъ благочестивая пожилая купчиха и пришла къ нему за благословеніемъ. Старецъ, давая ей изъ висѣвшаго надъ дверями снопа три колоса, сказалъ: „Вотъ тебѣ благословеніе. Теперь ихъ побереги, а послѣ, когда будетъ нужно, сѣй и отъ плода ихъ корми своихъ дочерей“. У той же было только двое дѣтей взрослыхъ: сынъ и дочь. Смутилась благочестивая женщина, не думавшая о новомъ замужествѣ. Не могла она понять словъ старца, но они невольно глубоко запали въ ея душу. Прошло много лѣтъ: эта вдова стала игуменіей Шенкурскаго женскаго монастыря, который и содержался только отъ земледѣлія сестеръ..

Когда старцу кланялись въ ноги, онъ говаривалъ: „Богу надо кланяться, а не карельцу“. Этимъ онъ ясно высказывалъ свое постоянное памятованіе о своемъ происхожденіи. И къ кареламъ относился съ особеннымъ вниманіемъ и болѣлъ душой о ихъ духовной темнотѣ. Его любовь къ родному пленени и заботы о немъ очень хорошо выразились въ его разговорѣ съ преосвященнымъ Игнатіемъ Олонецкимъ (который родомъ былъ изъ Архангельцевъ). При всемъ стараніи Старца укрыться отъ людей, его посѣщали многіе люди важные и сановные. Преосвященные Архангельскій Варлаамъ и Олонецкій Игнатій очень любили о. Наума и, когда бывали въ Соловкахъ, непременно посѣщали келлію старца. Разъ преосвященный Игнатій обратилъ вниманіе на массу обдѣланныхъ за зиму о. Наумомъ поплавковъ, коими была завалена келлія его, сказалъ: „Вотъ ты, отецъ, труждаешься неутомимо, а я провожу время въ лѣности и бездѣятельности“. „Нѣтъ, отвѣчалъ съ чувствомъ старецъ, Владыко святой, твои труды весьма велики и богоугодны. И меня особенно радуетъ то, что началъ учить нашихъ священниковъ карельскому языку, чтобы они могли учить нашихъ земляковъ на карельскомъ нарѣчій. Русскій языкъ многіе не понимаютъ. До тебя этого не было“. Нужно замѣтить, что владыка въ то время

ввелъ преподаваніе карельскаго языка въ олонецкой семинаріи въ Петрозаводскѣ.

Въ время этой бесѣды зашумѣлъ пѣтухъ, сидѣвшій за дровами. Владыка спросилъ: зачѣмъ онъ держитъ пѣтуха. „Съ нимъ жить, владыка, очень полезно, отвѣчалъ старецъ, какъ онъ запоетъ ночью, вотъ и вспомнишь Петрово отреченіе, какъ гласомъ петела онъ пробудился къ плачу о своемъ грѣхѣ. Не разъ приходилъ къ о. Науму тотъ и другой владыки, присылали ему просфоры, поклоны, просили его молитвъ.

Любя свою великую обитель, о. Наумъ любилъ и берегъ и все монастырское достояніе. Сердобольный старецъ былъ милостивъ и къ скоту. Онъ заботился о монастырскихъ коровахъ, ихъ кормъ и охранѣ. Въ монастырѣ тогда молодой рогатый скотъ, который жертвовали бережные поморы, на лѣто пускался на волю на островахъ. Однажды о. Наумъ приходитъ къ намѣстнику и усиленно проситъ, чтобы позаботились осмотрѣть скотъ что на полѣ. Онъ говорилъ: — „Заботимся мы о своемъ тѣлесномъ спокойствіи. Надо позаботиться и о скотѣ. Пустили молодыхъ быковъ безъ всякаго присмотра. Легко случится можетъ, что забредутъ куда либо и погибнуть“. Но намѣстникъ былъ глухъ къ слову отца Наума. Прошло немного дней. Встрѣтивъ Наума, намѣстникъ спросилъ его: „что же — нужно пересчитать быковъ?. Покачавъ головой, старецъ сказалъ: „теперь поздно.“ И что же? Вскорѣ нашли семь молодыхъ, самыхъ лучшихъ быковъ погибшими: они зашли въ одну изъ избъ, затворили неволью двери, выйти не могли и отъ голода и жажды погибли: вотъ какъ дорого обошлось презрѣніе намѣстника къ слову старца.. Хлѣбъ даръ Божій, говоритъ русская пословица, и старецъ, вѣрный этому взгляду, охранялъ монастырскій хлѣбъ, какъ великое сокровище. Въ 1848 г. монастырское начальство весь годовой запасъ ржи сложило не въ амбары за монастыремъ, а въ одну изъ стѣнныхъ башенъ, вблизи мельницы, и сверху закрыли деревяннымъ потолкомъ. Старецъ не одобрялъ этого распоряженія и говорилъ: „Богъ вѣсть, иногда сквозь доски польется вода ручьемъ на рожь. Она негодна будетъ на муку, а развѣ на солодъ“, и предлагалъ сдѣлать вмѣсто деревяннаго каменный сводчатый потолокъ. Но его не послушали, и пожалѣли. Случился пожаръ: загорѣлся близко стоявшій тамъ лѣсопильный заводъ. Когда тушили, нѣсколько сотъ четвертей ржи промочили, которая и годилась только на солодъ.

Но особенно полно проявилось попеченіе о достояніи обители, когда старецъ, далеко прозирая въ будущее, предвидѣлъ Англійское бомбандированіе монастыря и давалъ рядъ совѣтовъ къ охранѣ монастырскаго добра. Еще въ тридцатыхъ годахъ, когда строились за монастыремъ гостинницы, о. Наумъ говорилъ, что лучше бы ихъ

строить не на возвышенных холмахъ, а подъ горою. „Тогда не задѣла бы ихъ буря, не коснулась бы молнія“. Въ время бомбардированія послѣдствіи одна изъ этихъ гостинницъ была вся прострелена и стала какъ рѣшето. Въ 1848 г., когда и самые дальновидные политики не думали о войнѣ съ англичанами, о. Наумъ уже предсказывалъ эту войну. За годъ до смерти онъ усилилъ свои заботы объ охранѣ обители отъ грядущей великой опасности. Онъ началъ нерѣдко выходить на крѣпостную стѣну даже по ночамъ и встрѣчавшимся говорилъ: „Какъ бы хорошо было, если бы заложить все эти окна (амбразуры) толстыми кирпичами, а по стѣнѣ вмѣсто деревянной крыши сдѣлать каменную сводомъ и покрыть дерномъ. Богъ вѣсть, что случится можетъ“. Въ поясненіе этого говорилъ: „Вдругъ взволнуются стихіи, загремятъ громы, посыплется градъ, налетятъ молніи... Далеко ли тутъ до бѣды!“. О сбереженіи хлѣба онъ говорилъ: „Хорошо бы хлѣбъ схоронить въ лѣсу, выкопать тамъ большую яму, насыпать въ нее хлѣбъ, закрыть досками и дерномъ“. Когда началось бомбардированіе, такъ съ хлѣбомъ и было поступлено по совѣту о. Наума. О сохраненіи скота на Муксалемскомъ островкѣ онъ говорилъ: „Лучше бы намъ коровъ перевести на здѣшній островъ, сдѣлавъ для того изъ бревенъ большой плотъ, а для помѣщенія устроить широкую изъ досокъ загородку.“ Не понимая тогда его мыслей, спрашивали: „для чего это, когда тамъ имъ привольнѣе и покойнѣе.“ „Ну, да послѣ ихъ туда же бы снова перевезли“. И этотъ совѣтъ въ свое время былъ использованъ. „Съ завистью на нашихъ коровъ смотрятъ англичане,“ говорилъ о. Наумъ. И что же?! Англичане присылали парламентаря, прося скота, а когда имъ отказали, отвѣчали съ досады пальбою ядрами.. Эти совѣты Старца и весьма поучительны. Въ нихъ сказалась и типичная черта карельскаго жителя: его сообразительность и строительное искусство, а извѣстно, что въ прежніе вѣка карелы успѣшно плотничали по всей Руси и въ лѣтописяхъ часто при именахъ плотниковъ были прибавки: „Корѣлянинъ“. Но еще болѣе дороги эти совѣты, какъ показатели его великой, пламенной любви къ обители и Родинѣ. Правда, тогда эти совѣты были непонятны. Но и они пригодились. Когда гроза нашествія враговъ грянула, и все невольно растерялись, тутъ то и были вспомнены совѣты Старца и сдѣлались они руководящими. Эти практическіе совѣты были примѣнены и обитель не потерпѣла большаго ущерба. А сознание, что это нашествіе было предвидѣно святымъ челоуѣкомъ и имъ же даны отрадныя увѣренія въ конечномъ торжествѣ, — оно укрѣпило духъ бодрости и свѣтлой надежды. Старецъ же, предсказывая нашествіе англичанъ, всегда въ концѣ говаривалъ, что Господь не до конца прогнѣвается надъ отечествомъ. Мѣсяца за три до смерти онъ разъ

стоялъ на паперти Преображенскаго собора, обернулся лицомъ на западъ, долго смотрѣлъ вдаль, поднялъ взоры кверху и стоялъ какъ бы потрясенный какимъ то видѣніемъ, а потомъ промолвилъ: „очень жарко здѣсь будетъ“.. Впослѣдствіе одно ядро попало въ край чудотворнаго образа Знаменія Пресвятой Богородицы.. „Богъ милостивъ и святые Угодники сохраняютъ свою обитель отъ бѣды и погибели“, часто повторялъ святой прозорливецъ....

Старець въ это время быстро ослабѣвалъ. Онъ точно спѣшилъ сдѣлать всѣ нужныя предостереженія и распоряженія на день испытанія, а самъ готовился уйти туда, гдѣ ангелы и святые Божьи челоуѣки, чтобы у Престола Господня вмѣстѣ съ Преподобными Первоначальниками и всѣми позднѣйшими подвижниками обители ходатайствовать за нее и Родину въ приближавшуюся тяжелую годину Севастопольской обороны!

1853 г. былъ послѣднимъ въ жизни о. Наума здѣсь. Онъ до послѣднихъ дней ходилъ въ храмъ и на послушаніе свое и былъ такъ духомъ бодръ, что никто и не ожидалъ такой скорой его кончины. За четыре дня до смерти онъ былъ крайне блѣденъ и едва дошелъ до церкви. За два дня до смерти онъ, едва передвигая ноги, за вечернею, едва могъ зажечь свѣчу предъ иконою Божіей Матери. Одинъ инокъ поспѣшилъ помочь ему. „Въ послѣдній разъ самъ зажгу“ сказалъ онъ, и дѣйствительно, послѣ этого уже не былъ болѣе въ церкви. Ему было приставлено для услугъ два послушника, но онъ самъ себѣ служилъ до самой смерти. За сутки до кончины онъ вошелъ въ озеро до пояса, но выйти не могъ: его вывелъ встрѣтившійся инокъ. Вечеромъ было совершено елеопомазаніе, а на другой день послѣ литургіи приобщили его Св. Христовыхъ Таинъ. До послѣдняго вздоха онъ тихо творилъ молитвы. Братія приходили, молча прощались съ нимъ, не нарушая его молитвеннаго подвига. Въ 2 часа пополудни большой монастырскій колоколь рѣдкими ударами возвѣстилъ, что духъ подвижника покинулъ свою ветхую храмину плоти. Это было 10 Іюня 1853 г.

12 іюня его похоронили за алтаремъ Преображенскаго собора, близъ усыпальницы Преп. Зосимы. Съ слезами торжественно отдавъ послѣдній молитвенный долгъ, погребла братія своего духовнаго наставника въ ряду настоятелей, а не на братскомъ кладбищѣ.

На могилѣ его положена плита. На плитѣ начертаны слова: „Блаженни мертвіи, умирающіе о Господѣ. Ей, глаголетъ „Духъ: почіють отъ трудовъ своихъ“ (Ап. 14, 13).“.

Вотъ какого мужа, святаго старца, дала наша глухая Карелія! Но онъ не одинъ. Какъ свѣтлый лучъ солнца отпечатлѣвается въ чистой тишинѣ рѣки ярче и полнѣе, чѣмъ въ маленькой мутной лужицѣ, такъ и въ жизни великихъ духомъ людей полнѣе, чѣмъ

въ обыкновенныхъ отпечатлѣвается ученіе Евангельское Божественнаго Искупителя нашего Господа Исуса Христа. Великіе люди и болѣе извѣстны, чѣмъ обыкновенные, что вполне естественно. Неудивительно, поэтому, что у насъ немного свѣдѣній о русскихъ дѣятеляхъ изъ карельскаго племени: племеннымъ происхожденіемъ никто не интересуется. И о старцѣ Наумѣ, какъ карелѣ только потому и стало извѣстно, что онъ — одинъ изъ замѣчательшихъ подвижниковъ новаго времени. Но, конечно, были и другіе, въ разной степени, подобные ему, какъ изъ карельскаго, такъ и изъ другихъ племенъ. Чтобы не быть голословными, мы укажемъ на другого подвижника соловецкаго новаго времени — о. Зосиму схимонаха, скончавшагося въ 1855 г. 23 іюня, который происходилъ изъ Чудскаго племени. О немъ можно читать въ томъ же „Соловецкомъ патерикѣ“, откуда взяты нами свѣдѣнія и о старцѣ Наумѣ.

Карельское происхожденіе о. Наума очень дорого для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, что русскіе не только не угнетаютъ племени карелъ, какъ стараются доказать то финскіе сепаратисты, но и даютъ имъ всѣ блага истинно-христіанской жизни. И нельзя не пожелать, чтобы въ будущемъ это благотворное просвѣтительно культурное вліяніе на карелъ все крѣпло и крѣпло и это племя все тѣснѣе и тѣснѣе сливалось съ русскимъ народомъ, противъ чего собственно и воюютъ финскіе агитаторы. А они ведутъ войну, не гнушаясь средствами, и войну упорную противъ русскихъ и православія. Что они это дѣлаютъ — неудивительно. Малое племя финновъ, вкусившее западнаго культурнаго блага, возгордилось въ тиши и преисполнилось мечтами о своемъ великомъ финскомъ государствѣ. А своихъ силъ мало. Вотъ и надо сродныя по племеннымъ, но чуждыя по духовному устроенію племени карелъ, лопарей, чуди, сначала имъ офиннить, а потомъ забрать подъ свое вліяніе и чисто русскія области. Къ этому и направлены всѣ старанія финляндскихъ дѣятелей. Желаящіе познакомиться подробно съ этимъ дѣломъ, могутъ обстоятельныя свѣдѣнія найти въ „Очеркѣ дѣятельности Православнаго Карельскаго Братства св. Вел.-Муч. Георгія въ Олонецкой губерніи“, въ отчетахъ за 1907—1909 г. г. Карельскаго Братства, Олон. отд. и Арх. отд. „Бѣломорскаго Братства Архистр. Михаила“, и др. изданійхъ братскихъ. Поэтому мы ограничимся лишь самымъ краткимъ обзоромъ дѣятельности панфинистовъ. Не только въ предѣлахъ Финляндіи всѣми мѣрами стараются лишить карелъ православія и русскаго вліянія, но дѣлаются хищническіе набѣги наиболѣе ретивыхъ финновъ и въ предѣлы Олонецкой и Архангельской губерній. Подъ видомъ путешественниковъ, коробейниковъ, учителей, странствуютъ по нашимъ дебрямъ проповѣдники отчужденія карелъ отъ Россіи. Они поносятъ все русское: и вѣру,

и жизнь, и порядки. Въ тысячахъ распространяють на карельскомъ, русскомъ и финскомъ языкахъ разныя книжки и листки съ возмутительными нападками на православіе, самодержавіе и т. д. Стараются всѣми мѣрами выжить каждаго русскаго изъ Финляндіи и Кареліи. Школы въ карельскихъ мѣстностяхъ Финляндіи наполнены ненавистниками Россіи и всего русскаго.. Всего и не перечестъ, что дѣлается въ Финляндіи а порою вылазками и въ сосѣднихъ нашихъ губерніяхъ. Дѣйствуютъ іезуитски: сначала отучаютъ отъ порядковъ русской жизни, а потомъ замѣняютъ православную вѣру лютеранствомъ.

Опасность тѣмъ болѣе велика, что нашъ сѣверъ въ силу многихъ общегосударственныхъ причинъ въ прошломъ былъ забытъ и жить не только кареламъ, но и русскимъ здѣсь было тяжело. Духовное просвѣщеніе на мѣстахъ не могло быть поставлено хорошо. Экономически край тѣсно былъ связанъ съ Финляндіей.. Слѣды этого неустройства очень сильны и теперъ. А это значительно облегчаетъ дѣятельность панфинистовъ.

Два года тому назадъ образовалось Православное Карельское Братство для Финляндіи и Олонецкой губерніи въ честь Св. Великомуч. Георгія, а въ Архангельской Бѣломорское въ честь Архистратига Михаила. Братство усердно и успѣшно ведетъ свое дѣло. Но полагать все на одно Братство, мало. Братство сильно лишь сочувствіемъ и содѣйствіемъ нашего общества. И долгъ каждаго, какъ карела, такъ и русскаго помочь посильно святому дѣлу охраненія Родины. *Борьба съ панфинскою пропагандою — есть ничто, какъ именно охрана нашей Родины!* А защищать Родину долгъ каждаго. Къ чему стремятся панфинисты? Изгнать православіе. Это значитъ — замѣнить истинное христіанство, апостольское — непрерывное преданіе и Писаніе священное, значительно поврежденными позднѣйшими его пониманіями, каково и есть лютеранство. Потомъ — стремятся къ отдѣленію отъ Самодержавной Россіи — что значитъ: вмѣсто Богопоставленнаго Царя и его слугъ подпасть подъ власть толпы, ибо кто не знаетъ, что въ конституціонныхъ государствахъ не всѣ лучшіе люди попадаютъ въ „народные избранники“, а члены разныхъ партій, чаще всего противохристіанскихъ. Дѣятельность же ихъ не сдерживается въ должныхъ размѣрахъ Царемъ Самодержавнымъ. И сколько горя отъ того.... Стремленіе къ отдѣленію отъ Россіи выражается въ изгнаніи всего русскаго. Это — походъ противъ господства русской народности. А каково жить подъ властью финновъ, то ярко показываетъ прошлое карельскаго племени, такъ много пролившаго крови за свою вѣру православную.. Вотъ почему всѣ, кому только дорога святая Вѣра наша и Родина, должны всѣ силы свои принести на благо Родины и всемѣрно

помочь труженникамъ Братства. Помощь эту русскіе люди могутъ оказать самымъ разнообразнымъ способомъ. Здѣсь нужны храмы и школы, бібліотеки.. Всякая денежная лепта, всякое пожертвованіе дорого здѣсь. И икона семейная, и духовный журналъ за старый годъ, и книга хорошая — все пойдетъ на пользу. Теперь трудами Братства обитель Аванасіево-Сяндебская превращена въ женскую. Одно это сколько даетъ мѣста для образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ, не избравшихъ семейной жизни, но имѣющихъ медицинское, хозяйственное и иное полезное образованіе, которыя здѣсь могутъ принести истинно великую пользу.. Здѣсь нужны дорогі, хозяйственные улучшенія. Какое мѣсто молодымъ людямъ съ техническимъ образоваеніемъ, гдѣ они могутъ поистинѣ быть созидателями величія и культурной мощи родной земли. Нужны больницы, пріюты. Сколько мѣста тутъ всякой доброй душѣ принести свою лепту. И кто знаетъ, если бы поболѣе было Нѣмчинкиныхъ, не было ли бы и поболѣе отцовъ Наумовъ?! Умираетъ ли у кого дочь невѣста. Остается приданное. Отчего бы въ память дорогой дочери не отдать все это сюда, на бѣдныхъ карельскихъ сиротокъ.. Умираетъ ли единственное дитя. Въмѣсто богатаго мраморнаго памятника, подъ которымъ такъ тяжело косточкамъ дитяти, отчего бы не создать на эту сумму, какой стоило построеніе мавзолея, школы въ убогой Кареліи. Правда, это не такъ видно. Но невидно у людей, а на небѣ видиѣе... Умеръ женихъ, или невѣста — отчего бы оставшейся въ живыхъ любящей душѣ не отдать себя на служеніе въ этомъ краю, чтобы такимъ путемъ создать себѣ и почившему другу свѣтлую храмину въ безпечальныхъ небесахъ. Мало ли есть и другихъ способовъ помощи здѣсь русскаго человѣка. Всего не указать. Сердце, любящее вѣру Христову и ближнихъ, само найдетъ новыя и новыя пути полезнаго содѣйствія..

Но наряду съ русскими и сами карелы должны оберегать свое сокровище: вѣру истинную православную и жизнь среди русскихъ, длянущая уже много вѣковъ. И прежде всего — долгъ карель: оберегаться отъ финскихъ возмутителей. Затѣмъ — нужно приложить все свое стараніе къ подъему своей нравственной и трудовой жизни. А самое главное и самое нужное, это самимъ и взрослымъ, и мужчинамъ и женщинамъ, научиться говорить порусски. Дѣтей же прямо таки надо растить въ русскомъ говорѣ. Карельскій языкъ — бѣдный и сколько на него не переводите книгъ, всетаки изъ русскаго языка многихъ и многихъ заимствованій не избѣжать. Финны тѣ прямо таки стараются поскорѣе перевести карель на финскій языкъ. Правда, теперь Св. Синодъ прибавилъ содержаніе священникамъ карельскихъ приходовъ и тѣ должны знать карельскій языкъ. Это какъ разъ то, чего въ свое время горячо желалъ

старецъ о. Наумъ. Но — это мѣра временная. Всѣхъ книгъ на карельскій языкъ не перевести, ни съ русскаго, ни съ финскаго языковъ, сколько бы ни старались. На это не хватитъ ни силъ переводческихъ, ни средствъ. Несравненно легче и лучше, когда всѣ карелы стануть въ совершенствѣ владѣть сами русскимъ языкомъ. Когда, скажемъ къ примѣру, село находить новую хорошую землю, то что дѣлаетъ? всѣ снимаются съ издавна насиженныхъ мѣстъ и ѣдутъ часто за тысячи верстъ на новыя мѣста. И это вполне разумно. Или когда, даже не въ дали, найдуть хорошее рыболовное озеро, то не стануть копать канала, чтобы съ водою поближе подходила рыба къ ихъ рѣчкѣ. А переселятся поближе къ озеру и на волѣ ловятъ уже рыбу. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ — гдѣ лучше. Такъ и въ отношеніи языка. Нужно, чтобы и сами учились и дѣтей учили. Старецъ о. Наумъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ изучилъ русскій языкъ и какъ былъ радъ, что овладѣлъ этимъ сокровищемъ. Кому, какъ не матери и отцу дороги дѣти и никто не желаетъ добра имъ, какъ родители. Изъ любви къ дѣтямъ, изъ любви къ святой церкви, и должны всѣ карелы усердно изучать русскій языкъ. Когда это будетъ сдѣлано, какая сокровищница знаній и для вѣчной жизни и для временнаго счастья откроется цѣлому племени?! Жизнь святаго старца о. Наума да послужитъ примѣромъ для всѣхъ карель. Его молитвами да крѣпнеть въ твердой преданности святой вѣрѣ православной и русскому народу все карельское племя. Его молитвы да будутъ споспѣшествовать въ этомъ святомъ подвигѣ. И да будетъ вѣчно у русскихъ и карель память Праведнаго сего съ похвалами.

Архимандритъ Никодимъ.

